

Он песне отдал все сполна

А было это больше шестидесяти лет назад. Я учился тогда в 3-м классе «первой ступени» 51-й петроградской единой трудовой школы. И на весенние каникулы нас всем классом повели смотреть спектакль «Догоним солнце» в Ленинградский тюз, руководимый знаменитым режиссером и педагогом А. А. Брянцевым. Рядом со мной сидела девочка из другой школы, года на два моложе. Была она большеглазой черненькой худышкой, не поседой и очень мешала мне своими беспрестанными, правда, довольно веселыми репликами смотреть спектакль. В антракте мы познакомились, и она, с естественной в детском возрасте непосредственностью, пригласила меня в гости на свой день рождения. Когда я, вернувшись домой, рассказал маме об этом приглашении, она недовольно поморщилась. По ее дореволюционному воспитанию ей показалось неудобным отпускать сына в гости к незнакомым людям. Но после моих горячих просьб согласие было дано.

Хорошо зная, что на день рождения надо принести подарок, но не имея понятия о реальных материальных ценностях, я стал выпрашивать у мамы какое-нибудь колечко или брошку, но получил закономерный отпор. Не имея, как

читатель понимает, никаких наличных средств для покупки хотя бы мизерного подарка, но желая выглядеть достойно в глазах своей новой знакомой, я долго ломал голову: что бы ей преподнести?!

И от безысходности, превозмогая отвращение к насильственно навязанной мне родителями музыке (это был как раз период моей максимальной ненависти к этой «ерунде»), я сел к роялю и на основе моего ничтожного музыкального опыта симпровизировал, а потом и записал с чудовищными ошибками жалкий фортепианный вальсик (волей судьбы он, к моему позору, появился для всеобщего обозрения через пятьдесят лет на утесовском юбилее!).

И в прекрасный ясный день я отправился на день рождения своей театральной соседки.

...В большой уютной квартире царили вкусные запахи. Меня, значительно более строгая и жеманная, чем в театре, встретила виновница торжества. Давно собирался сказать — звали ее Эдит, и мой несчастный подарочный вальсик так и был назван: «Дита».

В детской, где собралась Дитины гости, было уже много народа. Я чувствовал себя несколько неловко, потому что знакомых не было, за исклю-

чением Алика Менакера, впоследствии известного артиста эстрады, к которому я тотчас и кинулся.

Кстати говоря, мое воспоминание об одном посещении менакеровского дома связано было с чрезвычайно неприятным воспоминанием. Мы, дети, тогда сильно расшалились в менакеровской столовой, и я нечаянно (честное слово!) разбил большое фарфоровое изделие. Я стал плакать и просить прощения у Аликиного папы за то, что «расколотил такую красивую новую посуду». На что тот с грустным вздохом утешил меня фразой:

— Ничего, ничего, мальчик, эта ваза была уже очень старая, ей было более двухсот лет...

В комнату вошла Дитина мама—Елена Осиповна и позвала детей ужинать. Тут мы все с огорчением узнали, что придется сидеть за одним столом вместе со взрослыми. Возник гул разочарования. И тогда Дита, вполне разделявшая наше недовольство, но будучи хозяйкой, сказала, что, дескать, ничего страшного, там будут хоть и взрослые, но очень веселые и хорошие папины друзья — среди них поэт дядя Володя Маяковский, писатели дядя Бабель, дядя Миша Зощенко, художник дядя

Коля Радлов и папин любимец артист Володя Давыдов.

Несмотря на вкусное угощение, я бы, наверное, умер от скуки, если бы не мой сосед, еще один дядя Володя, который весь вечер приводил меня в изумление и восторг своей необычайной способностью — любую, даже очень длинную произнесенную мной фразу, он немедленно и совершенно точно повторял, но с конца — шиворот-навыворот.

Если бы я знал, что в начале сентября 1961 года, желая посвятить знаменитому пианисту «дяде Володе» свою ми-минорную прелюдию и фугу, я, вернувшись из длительной заграничной поездки, ему позвоню и услышу горький ответ: Владимир Владимирович Софроницкий несколько дней назад скончался...

Итак, со многими бывшими тогда там гостями довелось мне потом долгие годы дружить, а с некоторыми и работать — возрастной разрыв, как известно, с годами сглаживается. И был бы этот вечер приметным в жизни маленького школьника, если бы не вернувшийся с концерта хозяин дома. Был он для нас, детей, уже старым. Двадцать восемь лет, не шутка! И звали его дядя Лёдя.

Худенький десятилетний мальчик (это я-то худенький!),

скромный и застенчивый (боже, как с годами меняются люди!), робко подошел к нему, чтобы познакомиться, а потом, забившись в угол большого дивана, молчаливо (!) наблюдал за последующим чудом.

Перед нашими глазами появилась сотня «дядей Лёдь» («Лёдей») — один играл на скрипке, другой — на рояле. Третий рассказывал веселый анекдот, четвертый показывал фокусы зачарованным малышам. Такие же дяди Лёди и, казалось, все одновременно играли на саксофоне (тогда это было еще в новинку), стояли на руках, радушно угощали детей и взрослых. Для меня в комнате был только дядя Лёдя — один во многих перевоплощениях, смеющийся, прыгающий, поющий, играющий, рассказывающий. И как я тогда узнал, был он уже знаменитым артистом, хотя и не пел еще в концертах ни «Марш веселых ребят», ни «Сердце».

Вот так и познакомился я с Леонидом Осиповичем Утесовым. И знакомство это постепенно перешло во многие десятилетия дружбы и совместной интереснейшей работы. И я не знаю, кто бы мог еще так удивительно, так неповторимо исполнить мои песни — «Посланный извозчик», «Девка-кра-

са», «Днем и ночью», «Второе сердце», «Солдатский вальс» и многие другие, успеху которых я обязан только ему одному.

Как правило, педагоги, умудренные житейским опытом, влюблены в одну дидактическую истину: «Для того чтобы достичь вершин в области какой-либо профессии, надо беспрестанно работать и совершенствовать свое мастерство».

Я согласен, что эта истина непреложна, но откуда же тогда взялся Утесов? Судя по тому, что он умел делать в совершенстве, понадобилось бы много лет упорной работы над собой!

Так вот это и есть настоящий талант. Слово, которое мы очень часто бездумно применяем в приложении к незначительным на поверку явлениям и людям. Тот самый талант, блистательный, сверкающий и совершенный, который, как в детских сказках, семимильными шагами преодолевает такие дистанции, на основе малой части которых иной потратит всю свою жизнь.

Мы иногда настолько не бережем высокую терминологию, что разбрасываемся ею по пустякам. Не так давно один деятель искусства на юбилее другого деятеля беспрестанно называл его «выдающимся», хотя все кругом пре-

красно понимали, что юбиляр просто человек довольно способный, но никак не больше.

Так девальвируется понятие. И жалко, что, когда в искусстве мы имеем дело с действительно выдающимся явлением, понятие это порой не звучит, оно затаскано по незначительным адресатам.

Я специально упомянул об этом явлении, чтобы иметь право назвать Утесова поистине выдающимся явлением без всякой скидки на мемуарную умиленность и личное пристрастие. И действительно, именно этот человек, несший столько лет свое солнечное (увы, избитое слово!) искусство людям, человек, который беспрестанно радовал нас блеском своего таланта, человек, живший в искусстве и искусством долгие десятилетия, имеет право на высокий титул — выдающийся, — очищенный от шелухи легкомысленных применений.

Я помню, как-то на большом концерте конференсье объявил одного артиста. Перечисление званий и регалий заняло не меньше минуты, значительно больше, чем продолжительность аплодисментов после его унылого выступления. А когда конференсье объявил просто: «Леонид Утесов», надо было видеть, как засияли лица в зрительном зале и какой бурной овацией были встречены эти два слова: «Леонид Утесов»!..

Никита БОГОСЛОВСКИЙ.

Сов. куле тура, 1984, 7 июня
7 июня